

А.В.: Сборник научных трудов в честь 60-летия А.В.Виноградова. СПб.:
Культ-Информ-Пресс, 2007. С. 123 – 144.

К.В.Чугунов

Могильник Догээ-Баары 2
как памятник начала уюкско-саглынской культуры Тувы
(по материалам раскопок 1990 – 1998 гг.)

Могильное поле Догээ-Баары, где сосредоточены разновременные памятники, в том числе и курганы уюкско-саглынской культуры, расположено у подножия горы Догээ, на высокой правобережной террасе реки Бий-Хем (Большой Енисей), в 5 км выше его слияния с Каа-Хемом (Малым Енисеем). Центрально-Азиатская экспедиция проводит здесь спасательные раскопки с 1990 г. и за это время исследовано 27 курганов эпохи ранних кочевников. Семь погребальных комплексов, раскопанных в последние пять лет под руководством Н. Н. Николаева, С. В. Хаврина и В. А. Киселя, относятся к завершающему этапу развития культуры скифского типа и не рассматриваются в этой работе (Николаев, Хаврин 2004; Кисель, Николаев, Хаврин 2005).

Наземные сооружения образуют «цепочки» по 5 – 6 сооружений, вытянутые вдоль реки по оси СВС – ЮЗЮ. Встречаются одиночные и расположенные попарно курганы (Ил. 1). Памятники могильника – различной сохранности из-за распашки, поэтому информация о наземных сооружениях некоторых объектов не полна. Общим признаком для всех исследованных курганов является наличие глубокой (обычно – более 3 м) центральной могильной ямы с погребальной камерой в виде листовенничного сруба в несколько венцов высотой, перекрытого накатом из бревен. Различия обнаруживаются прежде всего в устройстве периферийной части наземного сооружения, в наличии или отсутствии боковых детских могил, а также разного рода ритуальных дополнений погребального комплекса.

Анализ материалов, полученных на могильнике Догээ-Баары 2, позволяет охарактеризовать погребальную обрядность и материальный комплекс уюкско-саглынской культуры достаточно полно. В большинстве случаев курганы имели каменно-земляное наземное сооружение. В основе его лежал валик выброса из глубокой центральной могильной ямы, сформованный и вымощенный сверху камнями. Все курганы окружала ограда из крупных каменных блоков или плит,

с внешней стороны которой часто выкапывался ровик с проходами по центральной оси основного погребения. От всех памятников могильника отличается комплекс кургана 12, центральное наземное сооружение которого опоясывала прямоугольная ограда, ориентированная углами по сторонам света. Исследования показали, что погребальное сооружение еще в древности было видоизменено. К юго-восточной стене пристроены две каменных гряды, для устройства которых часть ограды была разобрана (Ил. 2). Весьма вероятно, что это произошло в скифское время, так как никаких более поздних находок на памятнике не обнаружено.

Могильные ямы в центре курганов зачастую были перекрыты на уровне горизонта. Перекрытие ямы состояло либо из жердей и бревен, либо из целиком выкорчеванных деревьев с корнями и ветками. Эта конструкция должна была поддерживать надмогильное сооружение, имевшее форму цилиндрической башни из плит и валунов. Иногда дополнительное перекрытие устраивалось на специальном уступе в стенках могильной ямы (курганы 10 и 20). Внутри центральной ямы располагалась погребальная камера – прямоугольный сруб из лиственничных бревен или брусьев, сложенный в лапу с остатком в несколько венцов (от трех до пяти). Дощатый пол укладывался по длинной оси сруба (СЗ–ЮВ) на специально сделанные в нижних венцах ступеньки или на подкладные лаги. Перекрытие погребальной камеры обычно настилалось параллельно полу и иногда покрывалось сверху слоем бересты, однако встречено и перпендикулярное расположение наката бревен. Часто на перекрытие по центральной оси на стык бревен укладывалась тонкая жердь, назначение которой остается неясным.

Погребенные помещались на полу сруба в обычной для скифского времени Тувы позе: на левом (реже – правом) боку с согнутыми в коленях ногами, руки вытянуты перед туловищем, головой ориентированы в западный сектор. Количество погребенных в одном срубе на могильнике обычно невелико. Часты парные захоронения, в двух случаях (курганы 7 и 22) встречены одиночные могилы. Однако в некоторых случаях при небольших размерах погребальной камеры число погребенных доходит до 8 (курганы 1 и 6). Там прослежено ярусное расположение останков и можно предположить многократные подхоронения и переиспользование могилы.

В тех случаях, когда достоверно выяснено расположение всех погребенных внутри сруба, можно утверждать наличие основного захоронения

по центральной оси могилы. Обычно это мужское воинское погребение с полным набором вооружения и обязательной гривной. Полный комплект сопроводительного инвентаря основного погребения найден в кенотафе кургана 15 (Ил. 3). В кургане 10, где по центральной оси сруба лежал мужчина, также найдены остатки такого комплекта – бронзовый чекан и гривна из бронзового прута, обернутого золотом. Интересно, что над головой этого погребенного на верхнем венце погребальной камеры под бревнами перекрытия было положено зеркало с центральной петельчатой ручкой лицевой стороной вверх. Еще один погребенный юноша был похоронен с той же ориентацией, но смещен от центральной оси могилы к правому нижнему углу сруба. Такая же схема размещения погребенных была прослежена в могиле кургана 17, где ограбленным оказался только мужчина в центре, а женский скелет с богатым инвентарем под юго-западной стенкой был не потревожен.

Все центральные погребения, кроме одного ограблены. Прослеженная в ряде случаев ситуация проникновения грабителей в глубокую могилу и зафиксированные следы их деятельности позволяют сделать некоторые заключения относительно функционирования погребального комплекса. Очевидно, что некоторые могильные ямы к моменту ограбления не были засыпаны грунтом, то есть курган какое-то время после захоронения существовал как открытый погребально-поминальный комплекс. На этом этапе могли осуществляться подхоронения в сруб умерших родственников, выполнялись поминальные ритуалы, следы которых фиксируются на уровне перекрытия погребальной камеры. Протяженность этого периода, видимо, была регламентирована в каждом конкретном случае и иногда сводилась к минимуму. Так, могила кургана 15 находилась в открытом состоянии очень недолго, после чего была засыпана вынутой из нее землей. Возможно, это объясняется особым отношением к обнаруженному в ней кенотафу. В центральной могиле кургана 6 найдены останки семи погребенных (Ил. 4). Некоторые тела частично сохранили кожный покров и следы искусственной мумификации (разрез на животе, зашитый нитками). Очевидно, что мумификация применялась в определенных случаях, когда было необходимо сохранить тело на какой-то длительный срок. Следы ограбления здесь свидетельствуют о том, что перекрытие взламывалось в не засыпанной землей могиле – удаленное бревно и жердь отброшены к стенке ямы. На погребальной камере в кургане 19 зафиксирована жердь с подложенным под нее камнем –

рычаг, при помощи которого грабители выломали заклиненные между стен сруба бревна перекрытия. Очевидно, что такое действие было возможно провести только в свободной от земли яме.

Погребения детей на могильнике устраивались по-разному. В большинстве случаев они совершались в колодах, помещенных в отдельные неглубокие ямы овальной в плане формы (Ил. 5), располагавшиеся на площади кургана вокруг центральной могилы. Погребальные позы и ориентировка в основном такие же, как и у взрослых, но встречено два исключения: в кургане 21 ребенок лежал на спине, а в кургане 11 – с противоположной ориентацией. Иногда детские могилы устраивались в виде ящика из плит (курганы 3 и 6). В ряде случаев зафиксировано, что детские погребения впущены в уже сформированное сооружение, однако их однокультурность несомненна. Подтверждает это найденный в двух детских могилах сопроводительный инвентарь – в могиле 5 кургана 11 (деревянный ковш с рукоятью в виде ноги копытного) и в могиле 2 кургана 21 (ряд найденных в ней предметов имеет аналогии в центральных захоронениях могильника). Погребенные в них дети 6 – 7 лет, вероятно, уже достигли определенного статуса, когда им положены были вещи. Все остальные боковые могилы содержали безынвентарные захоронения детей младших возрастов. Еще одна ситуация устройства детских погребений – в колодах, помещенных в центральную могильную яму – зафиксирована в кургане 20. Вероятно, так же следует рассматривать пустые колоды, найденные за стеной сруба в кургане 21. Отдельные кости младенца найдены в заполнении непогребенной могилы кургана 15. Вероятно, это впускное погребение, с которым связан забутованный камнями ход, прослеженный в могильной яме. Наконец, в самих погребальных камерах также найдены детские погребения, но только детей старших возрастных категорий. Там, где зафиксировано их местоположение в срубе, они лежат в ногах взрослых вдоль ЮВ или В стены головой на Ю или ЮЗ или СВ (курганы 1 и 15). В одном случае за головой у ребенка стоял деревянный сосуд (курган 15), в другом – на поясе найдены нож и зеркало (курган 1).

В погребальном обряде и связанных с ним ритуалах важное место занимал огонь. В заполнении могил часто встречаются угли, бревна перекрытий могильных ям иногда обожжены. Следы костров зафиксированы во рву кургана 20 и на перекрытии могилы 2 кургана 21. В могильной яме кургана 10 (самое глубокое погребение из исследованных) перед сооружением погребальной

камеры был разожжен сильный огонь. Грунт на дне и стенках был прокален. Еще не догоревший костер был засыпан землей и после этого сверху возведен сруб. В ритуальных ямах, зафиксированных в нескольких курганах, также разводились костры, засыпанные недогоревшими. Об этом свидетельствует обугленное дерево, найденное в этих сооружениях (курганы 16 и 19). Можно предположить, что это места жертвоприношений, так как среди углей найдены пережженные кости. Обнаруженные в двух ямах обугленные лопатки, возможно, говорят о мантических обрядах, совершавшихся здесь. В подобной яме, исследованной западу от центральной могилы кургана 7, огонь горел на вымощенном плитами дне. Здесь также зафиксированы кальцинированные кости. В стороне от них отдельно лежали три человеческих зуба без следов огня, вероятно, принадлежащие похороненному в центральной могиле пожилому мужчине (определение А. В. Громова). Интересно, что каменная обкладка наземного сооружения над ямой была разобрана. Следовательно, она была впущена сверху насыпи и сооружена после основной могилы. Объяснить перенос зубов погребенного в отдельную яму за пределы могилы пока не представляется возможным. Может быть, этот ритуал как-то связан с конкретной личностью человека – единственного погребенного в кургане. Антропологические исследования костей показали, что здесь похоронен мужчина в возрасте 55 – 60 лет, который хромал на правую ногу и прожил с этим недугом очень долго. Представляется, что хромым инвалид должен был иметь определенную значимость для кочевой общины, обеспечившей ему столь долгую жизнь и престижные похороны.

Еще один тип ритуальных сооружений часто встречается в погребальных сооружениях могильника Догээ-Баары 2 – вкопанные на ребро три небольшие плитки или продолговатые уплощенные гальки, образующие треугольную в плане оградку и перекрытые сверху камнем. Подобные «треугольники» обычно располагаются без видимой системы в пределах ограды или ровика (иногда – в ровике) на уровне древней дневной поверхности (Ил. 6). Только в одном случае (курган 20) два таких сооружения зафиксированы по центральной оси кургана напротив друг друга в проходах между полукольцами рва. «Треугольник» из плиток был найден среди камней верхнего яруса заполнения описанной выше ритуальной ямы в кургане 7. Кроме этого, на площади этого кургана зафиксировано еще четыре подобных объекта. Таким образом, «треугольник» подтверждает соотнесение впускной ямы с комплексом памятника.

Вокруг кургана 20 зафиксированы несколько обложенных камнями столбовых ямок. Такая же ямка прослежена к востоку от кургана 30. Восточнее кургана 12 исследована каменная вымостка, где расчищены основания четырех деревянных столбов, ряд которых ориентирован меридионально. Возможно, такого рода объекты не найдены около других памятников из-за распашки степи и ограниченности площади раскопа. Вертикально установленные около погребальных сооружений столбы и каменные стелы – характерная черта кочевой культуры. На могильном поле Догээ-Баары найдено несколько оленных камней. Один из них был вторично использован в качестве стелы с рунической эпитафией около средневекового кургана 29 (Ил. 7, 1). Камень сильно поврежден, однако на нем видны изображения ожерелья в виде выбитых овальных ямок, широкого пояса и оленя с ветвистыми рогами, обращенного клювовидной мордой вверх. Обломок верхней части другого оленного камня найден в заполнении могилы кургана 7 (Ил. 7, 2). На нем выбиты три косые черты, по бокам изображены уши в виде полумесяца с точкой внутри (с левой стороны камня от точки через полумесяц проходит черта), под ними – сплошной линией – гривна, ниже – ожерелье в виде полосы с шестью овальными утолщениями (по три с каждой стороны). Еще один камень – продолговатый валун с изображениями серег и трех косых линий, найден в 2005 г. в заполнении могилы кургана 27 в поздней «цепочке» могильника. Маловероятно, что эти массивные стелы были принесены сюда издалека, и по всей видимости можно считать, что они были первоначально установлены где-то здесь же на погребальных памятниках. Косвенным подтверждением наличия традиции оленных камней у населения, соорудившего здесь свои курганы, является кенотаф (курган 15), атрибуты которого по сути воспроизводят схему их изображения на стелах (Чугунов 1996. С. 69–80). Однако, соотносить найденные на могильнике оленные камни с уюкско-саглыньскими комплексами пока преждевременно, и возможно, что они сопровождали погребения раннескифского времени, которые пока не обнаружены на Догээ-Баары 2.

Вещевой комплекс, полученный при исследовании уюкско-саглыньских курганов могильника, достаточно полно представляет материальную культуру населения, оставившего здесь свои погребальные памятники. В целом он характерен для эпохи ранних кочевников.

Предметы вооружения представлены всеми категориями оружия, характерными для культуры скифского типа. Самая распространенная находка в

срубках могильника – это наконечники стрел (Ил. 8). Они отливались из бронзы и вырезались из кости и дерева. В колчанах они обычно присутствуют вместе, однако зафиксированы и отдельные наборы только костяных наконечников (курган 19). Наиболее типичная для скифского времени Тувы черешковая группа бронзовых наконечников стрел имеет различные варианты оформления головки (Чугунов 2000. С. 213–238). Зачастую головка стрелы отлита в виде сплошных граней, острые края которых спускаются лопастями вниз. Черешок иногда начинается от основания лопастей, иногда – от острия. Концы лопастей иногда резко загнуты вниз. Характерной особенностью бронзовых наконечников стрел уюкско-саглынской культуры являются пропорции головной части и черешка, которые обычно равновелики (иногда черешок короче). В отличие от алды-бельских, черешки стрел не всегда расковывались для придания им клиновидной формы. Иногда уплощен только самый кончик черешка, часто встречаются стрелы с круглым насадом (Ил. 8, 13, 14). Наконечник, изготовленный в ранней (алды-бельской) традиции, найден в кургане 7 (Ил. 13, 13). Длина его черешка превышает длину головной части в два раза. В кургане 20 найден единственный втульчатый наконечник – трехгранный, с концами, опущенными ниже скрытой втулки.

Роговые (костяные) стрелы представлены двумя основными типами – трехгранные черешковые (Ил. 8, 2, 3, 8) и трехгранные зажимные (Ил. 8, 1; 13, 14). Первые имеют клиновидный черешок, обычно с косыми насечками на плоскостях. Иногда одна из граней таких наконечников срезана под прямым углом к черешку для упора древка стрелы. Зажимные наконечники крепились к древку путем стягивания вокруг него раздвоенного основания. Оба типа роговых стрел встречены в одних комплексах, в том числе и в одном колчане (курган 3). Единична на могильнике находка плоского наконечника (курган 19, колчан 2). Необходимо отметить, что основные формы роговых наконечников стрел практически не менялись в Туве на протяжении почти всего скифского времени. Особенно это касается трехгранных черешковых, полностью аналогичных экземплярам, найденным в алды-бельских погребениях. Вместе с тем, на материалах из курганов предгорий и гор Алтая предпринята попытка хронологического разделения этой категории находок по форме головки (Шульга 2002). Предполагается, что головка башневидной формы, характерная для раннескифского времени, сменяется на остроугольную в раннепазырыкских комплексах. В колчанах Догээ-Баары 2 найдены стрелы с головками обеих форм

(Ил. 8, 8,9), что, с одной стороны, ставит под сомнение правомерность такого рода утверждений для памятников Тувы, а с другой, – может указывать на близость рассматриваемых комплексов традициям раннескифского времени. Зажимной способ крепления стрел восходит, видимо, также к алды-бельской традиции, где известны бронзовые наконечники с аналогичным насадом. В могильнике Усть-Хадынныг I (курган 2, могила 1 – раскопки А. В. Виноградова 1979 г.) найден один роговой зажимной наконечник (правда, несколько иной формы – округлый в сечении). Таким образом, относить стрелы с раздвоенным насадом к суннусской традиции и, соответственно, датировать по ним комплексы (Мандельштам 1983. С. 33) нельзя. Стабильность форм здесь может быть объяснена спецификой материала и оптимальностью их баллистических качеств. Стрелы с деревянными наконечниками видоизменялись еще менее – начиная с аржанского времени (а скорее всего раньше) их вырезали вместе с древком в виде его утолщения на конце, округлой в сечении формы (Ил. 8, 4). Специфика их применения – охота на мелкого пушного зверя – не позволяла отойти от выработанного веками канона.

Колчаны, остатки которых зафиксированы вместе со стрелами или в заполнении ограбленных могил, изготавливались из кожи. В качестве ребра жесткости к их наружной поверхности при помощи специальных отверстий прикреплялись деревянные планки. На них иногда фиксируются следы красной краски (курган 16) или нанесенный ею геометрический орнамент (курганы 17 и 19, колчан 1). Колчаны были прикреплены к поясу при помощи портупейного ремня, который отводился от специальной обоймы с прорезью в нижней части. На могильнике найдено четыре таких обоймы. Две – прямоугольной и трапециевидной формы (Ил. 11, б), одна (курган 16) – выполнена в виде стилизованной головы грифона, и еще одна (курган 4) в виде двух геральдически расположенных фигур хищников с вывернутой задней частью туловища (Ил. 20, 1). Необходимо отметить, что широко распространенное мнение о способе крепления колчанов при помощи так называемых колчаных крюков, по-видимому, неверно, так как портупейная система, прослеженная в нескольких случаях, позволяла снимать колчан только вместе с поясом. Крюки, вероятно, использовались в качестве пряжки или трочного закрепления колчана при езде на лошади. находка в кургане 17 бронзовой подвески в виде лука в горите демонстрирует вид этого не сохранившегося оружия (Ил. 9, 1). Кроме того, показанный на ней карман для стрел позволяет предполагать, что гориты

могли быть составными – колчан совмещался с налучьем, как это прослежено в кургане Аржан-2 (Чугунов 2004. С. 19).

Кроме колчанов к поясу иногда подвешивали деревянную чашу (курган 15), портупея которой крепилась при помощи конической ворворки (Ил. 11, 1,4). Отметим, что здесь мы находим конкретное подтверждение указанию Геродота о том, что «скифы носят чаши на поясе» (Herod. IV, 10). Возможно, к этой традиции восходит изготовление подвесок в виде котелков, получивших особое распространение в позднескифское время и в таштыкской культуре Минусинской котловины. Наиболее ранняя подвеска, выполненная в виде сферической чаши с боковой зооморфной рукоятью найдена в алды-бельском могильнике Усть-Хадынныг I (курган 31, могила 2 – раскопки А. В. Виноградова 1977 г.). На могильнике трижды зафиксированы ситуации подвешивания пояса с колчаном (и с чашей) на стену сруба над головой погребенных. Этот аспект рассмотрен в специальных работах (Чугунов 1996. С. 69 – 80; 1996а. С. 86 – 89), поэтому, не останавливаясь на нем подробно, отметим, что такое специфическое размещение колчана имеет, видимо, истоки в общескифских религиозных представлениях и отражено в парадной торовитке Евразийских степей. Следует отметить, что традиция подвешивания колчана зафиксирована в Туве пока только в уюкско-саглыньских памятниках.

В погребениях могильника найдены три чекана (Ил. 10, 1 - 3), которые, видимо, являлись обязательным атрибутом центрального воинского захоронения. Два из них – бронзовый (курган 10) и фрагмент железного (курган 20) – относятся к категории проушных, наиболее распространенных в уюкско-саглыньской культуре. Бронзовый чекан из кургана 10 имеет десятигранный обух, выступающую проушину и круглый в сечении боек с четырехгранным острием. Он крепился к поясу при помощи обхватывающего рукоять кожаного ремня, заколотого бронзовой застежкой, украшенной фигуркой стоящего барана. Такой способ закрепления оружия на поясе зафиксирован в Аржане-2, где в основном погребении найдено почти такое же, но выполненное из золота изделие. В рядовых алды-бельских могилах известны стержневидные застежки-«костыльки» с петлей в виде стремечка (Семенов 2001. С. 168). От массивного железного чекана из кургана 20 сохранилась лишь обушковая часть с половиной проушины, но, вероятно, он такого же типа. Показательно, что вместе с ним тоже найдена стержневидная застежка, но с округлой петлей. Отличен от рассмотренных экземпляров из непогребенного погребения кургана 15. Он

имеет небольшую, высотой 5 см, втулку, шестигранный обух и круглый в сечении боек с четырехгранным острием. Изображение головы орла под бойком характерно для раннескифского времени. Здесь мы наблюдаем позднее рудиментарное проявление этой традиции. Рукоять чекана из кургана 15 оканчивалась массивным втком митровидной формы, с обеих сторон украшенным стилизованными изображениями голов грифонов. В этом комплексе в качестве застежки кожаной петли была использована бронзовая ворворка. Еще один бронзовый вток найден в ограбленном срубе кургана 16. Иногда, видимо, вток заменялся приостренным утолщением на конце рукояти (курган 10). Чеканы в уюкско-саглыньских памятниках находят на поясе погребенных – там, где они и носились.

Как известно, пояс являлся важным и семантически значимым атрибутом кочевой культуры. Мужчина-воин во все времена предавал ему особое значение. Наборные пояса с обоймами и пряжками, выполненными из бронзы и золота в зверином стиле, хорошо известны по находкам в алды-бельских курганах Тувы (Виноградов 1980; Семенов 2001; Чугунов 2004). В могилах Догээ-Баары найдено достаточно большое количество разнообразных металлических деталей поясной фурнитуры. В курганах 6 и 17 обнаружены фрагменты самих поясов, вырезанных из широких полос толстой кожи с подогнутыми и прошитыми краями. Вместе с одним из них сохранились бронзовые бабочковидные обоймы, крепившиеся при помощи дополнительного ремешка (Ил. 9, 2,3; 13, 1).

Кинжалы, так же как и чеканы, пользовались особым вниманием грабителей. Они представлены в материалах могильника только одним целым экземпляром (курган 15) (Ил. 10, 5), а также фрагментами и многочисленными остатками ножен из ограбленных срубов. Комплекс кенотафа из кургана 15 дает нам полное представление о конструкции ножен и способе крепления кинжала к поясу. Ножны имели деревянную основу, которая обтягивалась кожей. Устье оформлялось накладками из толстой кожи, повторяющими форму бабочковидного перекрестия кинжала (Ил. 12). Они либо пришивались к кожаной обтяжке (курган 10), либо приклеивались (на накладках нет следов пришивания - курганы 15 и 19). Ножны подвешивались к поясу при помощи тонкого ремня, стянутого бронзовыми или железными обоймами, пристегивавшегося к специальному выступу под устьем при помощи небольшой бронзовой ворворки. В средней части ножен имелись накладные петли,

закрепленные бронзовыми пуговицами, и отходящий от них ремень с обоймами, при помощи которого оружие закреплялось на бедре. Аналогичные по форме и способу ношения ножны известны из пазырыкских памятников Алтая (Кубарев 1987. Рис. 22; Полосьмак 1994. Рис. 79, 3; Кисель 2000. Рис.4, 3-5). Судя по кожаным накладкам, найденным в нескольких ограбленных курганах, и кинжалу из кургана 15, обычной формой перекрестия этого оружия в уюкско-саглынской культуре была бабочковидная. Окончания рукоятей, видимо, различались. Единственный целый кинжал имеет навершие в виде двух головок грифонов, обращенных клювами друг к другу. Возможно, такая же композиция украшала рукоять железного акинака, фрагменты которого найдены в кургане 16 (Ил. 10, 4). Навершия кинжалов в виде двух противопоставленных голов грифонов широко распространены в памятниках степной Евразии начиная с VI в. до н. э. В Туве такие экземпляры найдены в кургане 16 могильника Чинге II (раскопки И. У. Самбу 1974 г.) и на могильнике Аймырлыг (Мандельштам 1992. Табл. 78, 34). Представительная серия случайных находок кинжалов с такими навершиями происходит из Минусинской котловины (Завитухина 1983. С. 74–76, кат. № 198–204, 214, 215). На перекрестии некоторых из них – парные изображения противопоставленных скребущих хищников (волков – по М. П. Завитухиной). Точно такое же изображение, выполненное золотом на железной основе, найдено в ограбленном уюкско-саглынском кургане могильника Кош-Пей I (Килуновская 1994. Рис. 1, 17). Так как там же найдены фрагменты лезвия железного акинака, можно предположить, что золотая аппликация является частью его гарды. Таким образом, вероятно, здесь лежал кинжал, аналогичный минусинской серии. На Алтае такие навершия известны у кинжалов, происходящих из могильников Кайнду и Тьткескен VI (Кирюшин, Степанова 2004. С. 229, рис. 48; с.268, рис. 87). Найденный в Кайнду вместе с кинжалом комплект сопроводительного инвентаря (железная гривна, обернутая золотом; крюк в виде головы козерога, бронзовая ворворка, костяные стрелы) находит прямые аналогии в ранних уюкско-саглынских комплексах Тувы. Исследователи сходятся в том, что происхождение кинжалов с навершием в виде головок грифонов связано с восточной зоной скифского мира. К. А. Акишев предполагает, что это произошло на Алтае, в Казахстане или в Средней Азии (Акишев 1973. С. 47), Н. Л. Членова – в Западной Сибири (Членова 1981. С. 11). Сейчас очевидно, что из этого списка нельзя исключать и Туву, а, скорее всего, надо говорить обо всем Саяно-Алтайском регионе.

Серия ножей и обломков от них, найденная на могильнике, включает в основном бронзовые изделия. Фрагменты нескольких железных ножей происходят только из сруба кургана 20 и типологически не отличаются от других. Большинство ножей – прямые, пластинчатые, без выделенной рукояти. В верхней части они часто имеют отверстия круглой (курган 20) или петлевидной (курганы 3 и 15) формы. Ножи без отверстий или с обломанными навершиями подвешивались, вероятно, при помощи ножен (курган 3) (Ил. 13, 2). Фрагмент кожаной части фигурных ножен, аналогичных найденным в кургане 3, происходят из сруба кургана 6. В кургане 7 найдены деревянные, обтянутые кожей ножны, окрашенные в черный цвет, по которому красной краской нанесен геометрический орнамент. Иногда ножи помещались в ножны вместе с кинжалом (Ил. 10, 5). В петлевидное отверстие рукояти ножа из ножен кенотафа был продет витой шнур, скрученный из двух тонких полосок кожи, который был перекинут через рукоять кинжала. За него нож мог быть свободно извлечен из глубины футляра. Материалы Аржана-2 свидетельствуют, что так же иногда носили ножи и в раннескифское время.

Из бытовых предметов в курганах могильника найдены бронзовые иглы и шилья. В кургане 11 обнаружена игла с намотанной на нее шерстяной нитью. Прямоугольные в сечении шилья трех типов: с костяной рукоятью из фаланги животного (курган 19), с раскованным и закрученным в виде шляпки концом (курган 3) (Ил. 13, 9) и без рукояти (курган 11), которая, возможно, не сохранилась. В одном случае, в срубе кургана 11 найден редкий для кочевых погребений предмет – керамическое пряслице. Подобное по форме изделие, но выполненное из дерева, зафиксировано за головами погребенных в кургане 18. В наземных сооружениях нескольких курганов найдены фрагменты зернотерок. Обломки зернотерки и куранта лежали рядом на краю центральной могильной ямы в кургане 11. В могиле кургана 6 найдены два астрагала овцы и козули (определение М. В. Саблина), края которых сильно стерты и прошлифованы. По мнению Д. Г. Савинова, основанном на анализе поселенческого материала, такие астрагалы можно считать орудиями труда, применявшимися для полировки ровных поверхностей (Савинов 1996. С. 27). В стенах сруба кургана 20 найдена серия бронзовых гвоздей (Ил. 13, 8), которыми была закреплена войлочная драпировка, сохранившейся в мелких фрагментах рядом с изделиями. Отметим, что гвозди не забивались в твердую лиственницу, а вставлялись в щели между бревнами. В одном случае для уплотнения в щель рядом с гвоздем

была вставлена обструганная палочка. Аналогичные предметы известны в Туве из материалов могилы 2 могильника у с. Хову-Аксы (Кызласов 1979. С. 60–66. Рис. 51, 2), где они также были зафиксированы в стене погребальной камеры. Такие же по форме, но деревянные, колышки применялись для закрепления войлоков в Больших Пазырыкских курганах. Интересно, что медные гвозди, найденные здесь, имели совсем другую форму (Руденко 1953. Рис. 21–23).

Оселки и деревянные составные гребни, найденные в уюкско-саглыньских срубках, только условно можно отнести к категории бытовых предметов. По-видимому, их основная функция была связана с какими-то, еще не до конца понятыми, ритуалами. Оселки (Ил. 11, 10; 13, 5,6), обычно без следов сработанности, являлись атрибутами мужских погребений и носились подвязанными к поясу. Гребни, найденные в курганах могильника, довольно сложной конструкции. В разграбленных могилах как правило удается собрать только часть деталей от них. Полностью реконструируется только гребень из детского погребения в кургане 21 (Ил. 14, 4). Отдельно выточенные зубцы зажимались с двух сторон парными деревянными стержнями, вставленными в пазы крайних зубцов. Сверху, по-видимому, приклеивалась еще одна планка, закрывающая торцевые части зубцов. Каждый зажимной стержень и верхняя планка данного гребня обмотаны тонкой полоской коры. Известен и упрощенный вариант этих изделий – когда зубцы вставлялись в паз, выточенный в деревянной планке-основе (курган 6). В престижных комплексах могильника Кош-Пей I найдены такие гребни и оселки, верхняя часть которых обернута золотом (Семенов 1992. С. 64), что подчеркивает их сакральный характер. В срубе кургана 3 части составного гребня зафиксированы вместе с фрагментированным бронзовым зеркалом. Эта находка позволяет предполагать связь с алды-бельской традицией ритуального использования этих предметов, так как в могильнике Копто (курган 2, могила 2) найден гребень, привязанный к рукояти зеркала (Чугунов 2005. С. 75. Ил. 4). Конструкция сложносоставных деревянных гребней также аналогична алды-бельским изделиям из могил Аржана-2 (Чугунов 2004. С. 28).

Ритуальное предназначение зеркал несомненно. На могильнике найдено восемь этих предметов, представляющих два типа. К первому относятся дисковидные зеркала с центральной петлей (Ил. 14, 2) (курганы 1, 3 и 10) или кнопкой на четырех ножках (Ил. 14, 1) (курган 17); ко второму – с боковой рукоятью различных форм (курганы 15, 18 и 20) (Ил. 11, 11; 14, 3). Обычное

расположение зеркал в могиле – в районе пояса или у бедра погребенного, в специальном футляре из кожи, войлока или ткани. В отверстие рукояти часто продевается кожаный ремень. Однако не менее часто встречается иное местоположение зеркала в погребальном комплексе. Уже упоминалось необычная находка этого предмета над головой погребенного в кургане 10. В непо потревоженном срубе кургана 15 одно из зеркал лежало в западном углу камеры. На особое отношение к этим предметам указывает фрагментированный экземпляр из кургана 3, где в специальном футляре было положено зеркало с обломанными краями и центральной петлей. Отметим, что сочетание двух типов зеркал в пределах могильника не может служить основанием для относительной хронологии памятников. На могильнике Кош-Пей I оба типа представлены в единых комплексах (Семенов 1994. С. 188). На заключительном этапе культуры скифского типа в Туве применялись только зеркала с боковой рукоятью. Сочетание их с более ранними формами характерно для становления уюкско-саглынской традиции. На могильнике Кокэль исследован курган 48, где в срубе найдено зеркало с высоким бортиком (Вайнштейн 1966. С. 162–164, рис. 17, табл. VII, 11). Остальной сопроводительный инвентарь комплекса в сочетании с особенностями погребального обряда позволяет уверенно отнести этот курган к раннему этапу уюкско-саглынской традиции. Исключением (вместе с зеркалом) является только бронзовое шило с грибовидным навершием и круглым перехватом под ним, характерное для алды-бельских памятников.

Как уже отмечалось, для центральных захоронений в срубках характерным атрибутом являются гривны. На могильнике найдены два целых экземпляра (курганы 10 и 15) и несколько фрагментов (курганы 12, 19 и 20). Гривны, сделанные из бронзового прута, обтянутого золотым листом, различаются по конструкции и способу ношения. Из кургана 10 происходит экземпляр в виде полукольца, подвешивавшегося за петли на концах при помощи кожаного ремешка (Ил. 15, 2). Иначе сделана гривна, найденная в кенотафе – в виде кольца, свернутого в полтора оборота. Этот предмет должен был опоясывать шею вокруг. Обернута золотом была только лицевая часть с заходящими друг за друга концами. Первый тип этих изделий может восходить к алды-бельским пекторальям, которые также подвешивались за отверстия или петли по краям. Еще более похожий на гривну из кургана 10 предмет найден в кургане Аржан – нашейное украшение из плоского золотого листа с петлями по краям (Грязнов 1980. С. 25). Показательно, что пектораль, вырезанная из золотого листа и

полностью аналогичная алды-бельским, найдена в коллективной могиле кургана 6 (Ил. 15, 1). В то же время отметим, что гривна, известная в комплексе Аржана-2, совсем другая.

Почти в каждом взрослом погребении могильника обнаружены фрагменты железных шпилек с шаровидными навершиями. Навершия, а иногда и часть железного стержня под ними, часто обкладывались золотым листом. Реконструируемая длина шпилек обычно не меньше 10 см. Местонахождение шпилек в могиле – за черепами погребенных. В кургане 15 зафиксированы бусины, надетые на острые концы этих предметов. Наиболее полный набор украшений головного убора или прически обнаружен *in situ* в кургане 17. За головой погребенной женщины зафиксировано пять железных шпилек, округлые фигурные навершия которых были обтянуты золотом. Одна из них выделялась крупными размерами, и у нее, помимо навершия, была обтянута тисненой фольгой верхняя часть стержня. Шаровидное навершие ее выполнено в виде свернувшегося в клубок зверя. Кроме того, здесь же найдены пастовые и пиритовые бусы и четырехлепестковые листики тонкой золотой фольги (Ил. 16, 1-4, 8, 9). Возможно, что частью шпилек являются фрагменты прямых бронзовых стержней, найденные в нескольких могилах (курганы 3 и 11). На то, что шпильки делались из бронзы, указывает замечательный экземпляр с золотым навершием в виде фигурки козла из раскопок С. А. Теплоухова (Полторацкая 1966. С. 87. Рис. 6, 7). Объемное изображение животного на этом предмете аналогично навершиям головных уборов из уюкско-саглыньских курганов, исследованных на могильниках Кош-Пей I (Семенов 1994. С. 192. Рис., 5) и Теплая (Vokovenko 1994. P. 51, fig. 4, 4). Традиция ношения особой прически, закрепленной булавками специфической формы, вероятно, восходит в Туве к раннескифскому времени, что уже отмечалось при анализе материалов могильника Копто (Чугунов 2005. С. 80). Головные уборы, украшенные сверху фигуркой животного, появляются в Туве несколько позже, в рамках уюкско-саглыньской традиции.

Серьги, найденные на могильнике, изготовлены из золотой проволоки (курганы 15 и 20) или скрученного листа (курган 21) в виде кольца, согнутого в полтора оборота (Ил. 16, 14). В одном случае (курган 20) один из концов проволоки загнут, образуя дополнительное маленькое колечко, к которому, видимо, было подвешено вырезанное из золотого листа пламевидное украшение (Ил. 16, 12, 13). Серьга из кенотафа кургана 15 также имела подвеску в виде

цепочки, дополнительного колечка и бус – одной сердоликовой и трех пастовых. Отметим, что все составные части серьги лежали *in situ* отдельно и их соединение не вполне ясно. Возможно, маленькое кольцо связывало серьгу с цепочкой, но, может быть, оно находилось на конце подвески и распределяло отводы бус.

Бусы найдены во многих комплексах. На могильнике встречены каменные бусы из сердолика, хризопраза и амазонита. Все эти камни могут иметь местное происхождение (Кудрявцев 1996). Стекланные бусы по форме аналогичны алды-бельским – конические с округлым основанием. Состав стекла нескольких бусин был проанализирован в лаборатории научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа (эксперт – М. Б. Днепровская). Бусы из курганов 19 и 20 сделаны из зольного (калийного) стекла и в качестве красителя использована медь или оловянистая бронза. По А. В. Галибину (Галибин 2001) это стекло «киммерийского» типа, известное из степных европейских памятников XII (XI)–VII вв. до н. э. В азиатском регионе известен аналогичный образец из могильника Береш (II - I вв до н.э. по традиционной хронологии). В Большом Новоселовском кургане – престижном захоронении конца сарагашенского этапа тагарской культуры – найден бронзовый котелок (аналогичный обнаруженному в кургане 15), на дне которого застыл слой стекловидной массы, состав которой идентичен калийному стеклу (Курочкин 1993. С. 32). Таким образом, можно предположить местное производство бус из зольного стекла. Интересно, что в Европе такой состав стекла вновь появляется только в IX–X вв н.э. (Галибин 2001). Глазчатые цветные бусы, найденные в кургане 20, вероятно имеют импортное происхождение и бытуют в Туве на протяжении всего скифского времени: наиболее ранний экземпляр известен из могильника Усть-Хадынныг I (курган 31, могила 2), поздние происходят из могильника Суглуг-Хем (Семенов 2003).

В качестве многофункциональных застежек и подвесок (амулетов) широко употреблялись просверленные клыки и зубы диких животных. Клык волка из кургана 10 оформлен в виде головы орла или грифона (Ил. 17). В его средней части просверлено отверстие, обведенное рельефным кольцом, обозначающим глаз. От него отходит шлифованная полоса, которая, в сочетании с формой клыка, обозначает клюв. Этот предмет мог использоваться в качестве застежки или украшения портупей какого-нибудь оружия. Просверленные зубы кабана, судя по находкам их *in situ*, применялись именно так (курганы 15 и 19) (Ил. 10,

5). Клыки кабана часто располагались на концах кушака или ремня, что зафиксировано в курганах 15 и 17 (Ил. 13, 17, 18). Клыки кабарги и зубы марала с отверстиями в верхней части – очень частая находка. Когда удается зафиксировать их первоначальное положение в погребении, они сосредоточены в районе пояса. В срубке кургана 19 по пять подвесок из клыков кабарги вместе со стеклянными бусами лежало вдоль бедренных костей погребенной женщины. Вероятно, они были нашиты на одежду или украшали свисающие концы кушака. Оригинальны изделия из позвонков крупных рыб, найденные в двух могилах (курганы 7 и 16). Они имеют парные отверстия по бокам, причем с одной стороны – близко друг к другу, а с противоположной – разнесены в стороны. Представляется, что эти предметы можно интерпретировать как застежки, стягивавшие ремень или шнур наподобие современной застежки-«молнии» (Ил. 13, 7).

Примечательной находкой в непо потревоженной могиле кургана 15 является бронзовая курительница с кольцевыми ручками (Ил. 18). В Туве это четвертая находка котелка такого типа в уюкско-саглыском комплексе. Наиболее близкий по размерам, но с меньшим диаметром ручек, котел был найден в сильно ограбленном кургане могильника Ховужук в Центральной Туве (Маннай-оол 1970. С. 42. Рис. 5). Еще два, сходные по пропорциям, но меньших размеров происходят из могильников Аймырлыг (Мандельштам 1992. Табл. 79, 18) и Кош-Пей I (Семенов 1994. С. 192). На территории Минусинской котловины такая же курительница найдена в богатом комплексе Новоселовского кургана (Курочкин 1993а. С. 27. Рис. 48). Отметим, что два последних памятника несомненно относятся к числу престижных захоронений и содержат большое количество украшений из золота. Необходимо упомянуть курительницу из Второго Пазырыкского кургана, отличающуюся от перечисленных наличием конического поддона (Руденко 1953. Табл. XXIV, 2). На более отдаленных территориях типологически сходные котелки известны на Памире (Литвинский 1972. С. 44 – 49), в Казахстане (Спасская 1956. Табл. 1; Demidenko, Firsov 2002), в Поволжье (Смирнов 1964. Рис. 70б - 10, 11). Что касается назначения и причин помещения котелков в погребальный комплекс, то ответ на этот вопрос дает пазырыкская курительница. Д. Г. Савинов, рассматривая погребальный инвентарь из Больших курганов Алтая, пришел к выводу, что большинство предметов, найденных в свободной от погребения части камеры не принадлежали умершему, а были использованы в ритуальных обрядах «проводов» покойного

(Савинов 1995. С. 7–8). Отметим, что курильница из Догээ-Баары тоже стояла в свободной части сруба. Не исключено, что так же как и во Втором Пазырыкском кургане, здесь производились обряды общения с умершими предками, сопровождаемые воскурениями. Неоднократные ритуальные действия, совершавшиеся в курганах и погребальных камерах после похорон, отмечались исследователями (Савинов 1992. С. 109; Курочкин 1993б. С. 27–31). На могильнике Догээ-Баары стратиграфически прослежено длительное существование памятника в качестве погребально-поминального комплекса (Чугунов 1994. С. 197; 1995. С. 10–11). То, что курильницы обнаружены не в каждом непотревоженном уюкско-саглынкском комплексе, говорит о специфике именно этого захоронения. Возможно, она связана с устройством кенотафа и его центральным местом в погребальном обряде кургана.

Каменный сосуд простейшей формы, обнаруженный в той же могиле (Ил. 3), по своей семантической нагрузке может быть сопоставим с рассмотренной выше курильницей, хотя возможно и иное назначение этого артефакта. В погребальных памятниках скифского времени Саяно-Алтайского региона эта категория предметов встречается редко. Сосуды из камня найдены всего в двух комплексах: в кургане 2 могильника на р. Теплой (Vokovenko 1994. Fig. 3, 2) и в кургане, раскопанном экспедицией Государственного Эрмитажа в Уюкской котловине Тувы (Марсадалов 1991). В курганах алды-бельской культуры они встречены дважды – два сосуда происходят из основной могилы Аржана-2 и половина каменной площадки найдена под насыпью кургана 2 могильника Усть-Хадынныг I (Раскопки А. В. Виноградова 1979 г.). В то же время, жертвенники из камня различных форм – от самых простейших до каменных столиков на ножках – распространены в памятниках тасмолинской культуры Казахстана (Кадырбаев 1966. С. 391, 392) и у савроматов Поволжья и Южного Приуралья (Смирнов, Петренко 1963. Табл. 20, 30). Высказано мнение, что эти предметы служили для растирания красок (Зуев 1996). В связи с этим представляет интерес находка в срубе кургана 6 небольшого охристого камня треугольной формы, имеющего острую грань со следами затертости. Возможно, это своеобразный «косметический карандаш», использовавшийся для рисования во время погребальных ритуалов. На то, что в каких-то случаях такие обряды проводились, указывают следы раскраски на мужском черепе из кургана 19.

Как уже отмечалось, на раннем этапе в погребальном обряде уюкско-саглынкских памятников редко употреблялась керамическая посуда. На

могильнике она найдена в престижном захоронении кургана 20. Два горшка с высоким широким горлом и горизонтальными валиками на плечиках и под венчиком имеют многочисленные аналогии в уюкско-саглыньских комплексах Тувы. На стенках горшков видны следы криволинейной росписи темной краской. Еще один целый сосуд найден в срубе кургана 18 – за головами погребенных стояла керамическая курильница (Ил. 19). Фрагменты керамики найдены среди камней наземных сооружений, что свидетельствует о применении керамической посуды в поминально-обрядовой практике кочевников. Деревянная посуда зафиксирована почти во всех срубках могильника. Она устанавливалась за головами погребенных и содержала, видимо, какую-то жидкую или кашеобразную пищу. В ряде случаев внутри нее зафиксирована сыпучая органика желтого цвета. Костей животных, свидетельствующих о том, что покойникам клали мясо, в сосудах не обнаружено. Куски жертвенного мяса укладывались обычно на уровне перекрытия по периметру погребальной камеры или, реже, внутри по углам сруба. Как правило, это разные части туши барана. Формы деревянной посуды различны – плоские удлиненные блюда, ковши и сферические чаши, изготавливавшиеся, в основном из березового капа (определение А. И. Семенова и М. И. Колосовой). Рукояти ковшей, найденные на могильнике, выполнены в виде ноги копытного (курганы 6, 10 и 11). Треснутые стенки деревянной посуды ремонтировались бронзовыми скобками (курганы 1 и 11). В срубе кургана 3 найдены остатки берестяной коробочки с круглым дном.

На могильнике Догээ-Баары 2 получен небольшой, но достаточно выразительный комплекс вещей, выполненных в зверином стиле (Ил. 20). В основном, это изображения одиночных животных или их протом. Если справедливо мнение специалистов, что искусство звериного стиля развивалось от реализма к стилизации, то в материалах могильника представлены как ранний, так и поздний изобразительные каноны. Украшение стержневидной застежки из кургана 10 в виде объемной фигурки барана со свисающими ногами и поднятой вверх мордой (Ил. 20, 8), как уже отмечено, находит ближайшую параллель в материалах кургана Аржан-2, многие предметы искусства которого в свою очередь восходят к аржано-майэмирской стилистике начального этапа эпохи ранних кочевников (Чугунов 2004а. С. 275). Копыто, вырезанное на окончании рукояти деревянного ковша (курган 11) – мотив, известный в самых ранних кочевнических комплексах Евразии. Нашивки из золотой фольги в виде

горных козлов с подогнутыми ногами (Ил. 20, 9,10) (курган 21) имеют широкий круг аналогий (Килуновская 1994. С. 119), в том числе и в материалах могильника Южный Тагискен, где в той же манере выполнены изображения сайгаков (Итина 1992. Табл. 5, 31). После открытия комплекса материалов из Аржана-2 можно утверждать, что традиция украшения костюма зооморфными нашивными бляшками известна в Туве с раннескифского времени. При этом некоторые образы не представлены в алды-бельском культурном комплексе. Например, найденные в курганах 12 и 20 изображения хищной птицы с распростертыми крыльями и повернутой вбок головой (Ил. 20, 2,5,6) широко распространены именно в уюкско-саглыньских памятниках, причем на всем протяжении культуры (Семенов 1992. С. 119). То же можно сказать и о нашивках с изображениями двух оленьих голов, обнаруженных в могилах курганов 20 и 30 (Ил. 20, 11). Однако, несмотря на отсутствие аналогий этим изделиям в предшествующей культуре Тувы, соответствия им обнаруживаются на территории Казахстана, в частности, в комплексах Чиликты и Жалаулинского клада. В основной могиле кургана 20 найдены великолепные образцы резьбы по кости – остатки двух футляров, к сожалению, фрагментированных, покрытых изображениями животных (Ил. 20, 3,7). На одном сохранились части гравированной фигуры барана с поджатыми передними ногами и вывернутым крупом, а также фрагмент морды лошади с согнутой передней ногой. На втором – оскаленная пасть хищника, выполненного в орнаментальной манере. Образы и манера исполнения этих животных напоминает пазырыкские изделия. В такой же манере, но уже в золоте, исполнена овальная нашивная бляха с изображением стилизованного копытного животного (Ил. 20, 12). Здесь же найден овальный костяной медальон, возможно, служивший дном одному из футляров. На нем выгравировано изображение свернувшегося в кольцо хищника, причем показаны глаз, ухо, нос, оскаленная пасть, грива и задняя нога. Хвост только намечен, а рисунок передней ноги отсутствует (Ил. 20, 4). Здесь налицо использование одного из древнейших в искусстве звериного стиля мотива, но решенного уже с композиционными ошибками. Хотя, может быть, для художника важнее было передать оскаленную пасть зверя, чем вписать в композицию переднюю ногу. Ближайшие аналогии резным костяным футлярам из кургана 20 известны из материалов могильника Аймырлыг (Мандельштам 1992. Табл. 77, 45–48, 78, 15–17). Произведения искусства из кургана 20 нельзя

отнести к ранней изобразительной традиции, так же как и стилизованные головки грифонов на втоке из кургана 15 и обойме из кургана 16. Однако комплексы этих памятников неразрывно связаны с контекстом всего могильника. Видимо, надо признать, что в искусстве уюкско-саглыных племен продолжают жить каноны раннего звериного стиля, наследуемые вместе с алды-бельскими традициями духовной культуры. В то же время, оно было открыто для инноваций, которые наиболее ярко проявляются в индивидуальных произведениях на органическом материале.

В заключение необходимо остановиться на абсолютной хронологии могильника Догээ-Баары 2, для образцов из погребений которого получено значительное количество радиоуглеродных дат (Евразия в скифскую эпоху 2005. С. 155–160).

Дата образца из кургана 19 при калибровке показала достаточно узкий интервал календарного возраста: 415–380 гг. до н. э. при 90% вероятности, что обусловлено резким падением калибровочной кривой, свидетельствующим о повышении содержания радиоуглерода в атмосфере в исследуемом временном диапазоне (Зайцева и др. 1996. С. 66).

Комбинированная дата двух образцов из кургана 16 тоже довольно узкая, особенно при 1σ : 2342 ± 25 BP.

Курган 15 — единственный памятник из исследованных здесь, могила которого сохранилась в не потревоженном виде (Чугунов 1996). Для этого комплекса получена серия из шести дат, комбинированное значение которых (при 84% вероятности) укладывается в промежуток от 520 до 400 г. до н. э. При этом получение двух дат из одного дендробразца с известным количеством колец позволяет сузить датировку до интервала 410–370 гг. до н. э. С учетом того, что курган 15 располагается в одной «цепочке» с рассмотренными выше курганами 16 и 19, датировка его рубежом V–IV вв. до н. э. вполне вероятна.

Комбинированная дата кургана 10 при 95,4 % вероятности достаточно широка: 520 – 390 гг. до н. э.

Для курганов 1, 3, 6, 7 и 20 также получены даты по образцам дерева и текстиля. Как правило, верхние границы их калиброванных интервалов не выходят за рубеж 400 г. до н. э., что, вероятно, близко календарному возрасту формирования могильника. Даты спилов двух образцов, использованных для сооружения кургана 8, получены с использованием метода согласования («*wiggle matching*»). Их значения близки и составляют 353 ± 10 и 365 ± 15 гг. до н.

э. Кроме того, для образцов лиственничных бревен погребальных камер курганов 8 и 12 в дендрохронологической лаборатории Института археологии и этнографии СО РАН И. Ю. Слюсаренко были построены дендрошкалы. По методике, примененной ранее для проверки мастер-шкалы Больших Пазырыкских курганов, было проведено сопоставление шкал тувинских и алтайских памятников. Причем сопоставления сделаны для алтайских дендрошкал, полученных разными исследователями. В результате выяснено, что курган 8 старше наиболее ранних курганов 1 и 2 Пазырыкского могильника на 80 лет, а курган 12 — на 90 лет (Васильев, Слюсаренко, Чугунов 2002).

Радиоуглеродные датировки комплексов могильника Догээ-Баары 2

№ п/п	Шифр лаборатории	Дата ВР	Дата ВС 1 σ (68, 2%)	Дата ВС 2 σ (95,4%)	Образец	Курган, могила
1.	Ua-12970	2490 $\pm$ 45	770–520(68, 2%)	790–480(86, 8%) 470–410(8,6%)	Текстиль	Курган 1
2.	Bln-4838	2425 $\pm$ 34	760–720(10, 9%) 540–400(57, 3%)	770–680(24, 1%) 670–630(5, 5%) 600–570(2, 0%) 560–400(63, 7%)	Дерево	Курган 3, могила 3
3.	Ua-12969	2435 $\pm$ 45	760–690(19, 4%) 550–400(48, 8%)	770–610(36, 5%) 600–400(58, 9%)	Текстиль	Курган 3
4.	Ua-12971	2420 $\pm$ 45	752–700(15, 6%) 540–400(52, 6%)	770–610(32, 3%) 600–390(63, 1%)	Текстиль	Курган 6
5.	Le-5214	2490 $\pm$ 20	770–750(1, 3%) 700–540(66, 9%)	780–510(95, 4%)	Дерево	Курган 7
6.	Bln-4923	2364 $\pm$ 31	510–380(68, 2%)	760–700(5, 0%) 520–380(90, 4%)	Дерево	Курган 7
7.	Le-5136a	2375 $\pm$ 30	520–390(68, 2%)	760–700(7, 8%) 540–380(87, 6%)	Дерево, внешние кольца	Курган 10
8.	Le-5136b	2380 $\pm$ 30	520–390(68,2%)	760–700(9, 3%) 540–390(86,1%)	Дерево, внутренние кольца	Курган 10
9.	Le-5189	2385 $\pm$ 25	520–390(68, 2%)	760–700(6,7%) 540–530(1, 1%) 520–390(87, 6%)	Дерево, центральные кольца	Курган 10
10.	Ua-12968	2425 $\pm$ 45	760–700(17, 4%) 540–400(50, 8%)	770–610(33, 9%) 600–400(61, 5%)	Кожа	Курган 10
11.	Le-5211a	2300 $\pm$ 35	410–350(56, 4%) 280–260(11, 8%)	410–350(61, 2%) 320–200(34, 2%)	Дерево, 20 внутренних колец	Курган 15
12.	Le-5211b	2365 $\pm$ 35	520–380(68, 2%)	760–690(8, 7%) 540–370(86, 7%)	Дерево, 30 внутренних колец	Курган 15
13.	Le-5212	2435 $\pm$ 25	760–720(12, 0%) 540–400(56, 2%)	760–680(26, 1%) 670–630(4, 6%) 600–570(1, 5%) 550–400(63, 2%)	Дерево	Курган 15
14.	Le-5213	2480 $\pm$ 30	770–520(68, 2%)	770–480(87, 1%) 470–410(8, 3%)	Дерево	Курган 15

15.	Bln-4924	2397±32	520–400(68, 2%)	760–680(16, 8%) 550–390(78, 6%)	Дерево	Курган 15
16.	Ua-12972	2450±45	760–680(32, 1%) 670–640(5, 2%) 590–580(1, 1%) 550–410(38, 8%)	770–400(95, 4%)	Текстиль	Курган 15
17.	Ле-5215	2360±39	520–380(68,2%)	760–680(9, 8%) 550–360(85, 6%)	Дерево	Курган 16
18.	Bln-4925	2319±32	410–370(63, 1%) 270–260(5, 1%)	420–350(79, 5%) 300–230(15, 9%)	Дерево	Курган 16, могила 2
19.	Ле-5188	2350±20	405–394(68, 2%)	485–465(2, 6%) 450–440(2, 0%) 415–380(90, 8%)	Дерево	Курган 19, могила 1
20.	Ле-5196	2510±25	780–750(5, 3%) 690–660(10, 4%) 550–540(52, 5%)	800–520(95, 4%)	Дерево, половина колец бревна	Курган 20
21.	Ле-5206	2410±25	520–400(68, 2%)	760–680(16, 1%) 550–400(79, 3%)	Дерево, 18 внешних колец	Курган 20

Из приведенной таблицы видно, что в целом датировки образцов из комплексов могильника колеблются в широком диапазоне от VIII до IV вв. до н. э., однако наиболее вероятна вторая половина этого периода. Несколько узких дат, обусловленных падением калибровочной кривой, позволяют скорректировать хронологию могильника в рамках V–IV вв. до н. э.

Таким образом, полученные в результате исследований могильника Догээ-Баары 2 материалы позволяют сделать ряд выводов. Сравнение всех компонентов погребального обряда и материального комплекса памятника с известной на сегодняшний день культурой предшествующего периода показывает гораздо более тесную их взаимосвязь с алды-бельской культурой Тувы. Это позволяет считать, что обобщенно рассмотренные в этой работе комплексы относятся к началу становления и формирования уюкско-саглыньских традиций, то есть своего рода «переходным» памятником.

В переходный период многие традиционные элементы материальной и духовной культуры раннескифского времени сохраняются неизменными или трансформируются. К алды-бельским традициям в раннем уюкско-саглыньском обряде можно отнести погребения детей в колодах в отдельных могилах, отсутствие керамики в погребальных комплексах, установку вертикальных столбов или оленных камней. Звериный стиль в искусстве также некоторое время сохраняет ранние каноны. В материальной культуре переходные памятники характеризуются сочетанием ранних и более поздних типов вещей. В ряде случаев прослеживается типологическая трансформация исходных ранних

форм предмета.

Наличие достаточно большой серии радиоуглеродных датировок в сочетании с представительной серией исследованных комплексов позволяет считать могильник Догээ-Баары 2 на сегодняшний день опорным памятником для периода трансформации традиций раннескифского времени и становления новой уюкско-саглынской культуры, несомненно связанной с некой инновационной волной. Характер и источник её пока не совсем ясен. Предположения и гипотезы, связанные с различным видением культурно-исторических процессов на территории Тувы в V веке до н. э. высказывались неоднократно многими специалистами, в том числе и автором настоящей статьи (Чугунов 2001). Д. Г. Савинов предполагает взаимосвязь процессов, происходивших в азиатских степях в середине 1 тысячелетия до н. э. с военной активностью державы Ахеменидов, что весьма перспективно и позволяет рассматривать данные археологии в контексте общеисторических событий (Савинов 2002).

Дальнейшие исследования несомненно внесут коррективы в понимание культурогенеза центрально-азиатских кочевников скифского времени и поставят очередные вопросы. А пока на могильнике Догээ-Баары 2 продолжаются работы, и памятник каждый год открывает новые страницы древней истории Тувы – прекрасной страны, куда нас впервые привез наш дорогой Шеф – Алексей Владимирович Виноградов.

Литература

Акишев 1973 – Акишев К. А. Саки азиатские и скифы европейские // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973.

Вайнштейн 1966 – Вайнштейн С. И. Памятники казылганской культуры // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Том 2. М.; Л., 1966.

Васильев, Слюсаренко, Чугунов 2002 – Васильев С. С., Слюсаренко И. Ю., Чугунов К. В. Актуальные вопросы хронологии скифского времени Саяно-Алтая // Степи Евразии в древности и средневековье. Сборник материалов конференции, посвященной 100-летию со дня рождения М.П.Грязнова. СПб., 2002. Книга 2. С. 24 – 27.

Виноградов 1980 – Виноградов А. В. Памятник алды-бельской культуры в Туве // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. Кызыл, 1980.

Галибин 1989 – Галибин А. В. Состав стекла как археологический источник. СПб., 2001. 216 с.

Грязнов 1980 – Грязнов М.П. Аржан: царский курган раннескифского времени. Л., 1980. 61 с.

Евразия в скифскую эпоху 2005 – Алексеев А. Ю., Боковенко Н. А., Васильев

С. С., Дергачев В. А., Зайцева Г. И., Ковалюх Н. Н., Кук Г., Плихт Й., Поснерт Г., Семенов А. А., Скотт Е. М., Чугунов К. В. Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология. СПб., 2005. 350 С.

Завитухина 1983 – Завитухина М. П. Древнее искусство на Енисее. Л., 1983.

Зайцева и др. 1996 – Зайцева Г. И., Семенов А. А., Герсдорф Г., Наглер А., Чугунов К. В., Боковенко Н. А., Лебедева Л. М. Новые радиоуглеродные даты археологических памятников кочевников степной зоны Южной Сибири и Центральной Азии // Радиоуглерод и археология. Вып. 1. СПб., 1996. С. 65 – 67.

Зуев 1996 – Зуев В. Ю. Научный миф о «савроматских жрицах» // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб., 1996.

Итина 1992 – Итина М. А. Ранние саки Приаралья // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992.

Кадырбаев 1966 – Кадырбаев М. К. Памятники тасмолинской культуры // Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966.

Килуновская 1994 – Килуновская М.Е. Произведения мелкой пластики скифского времени из Тувы // Памятники древнего и средневекового искусства. Проблемы археологии. СПб., 1994. Вып. 3.

Кирюшин, Степанова 2004 – Кирюшин Ю. Ф., Степанова Н. Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Часть III. Погребальные комплексы скифского времени Средней Катуни. Барнаул, 2004. 292 с.

Кисель 2000 – Кисель В. А. «...Он привязал к бедру кинжал...» (об одном из способов ношения клинкового оружия) // Археологические Вести. СПб., 2000. Вып. 7.

Кисель, Николаев, Хаврин 2005 – Кисель В. А., Николаев Н. Н., Хаврин С. В. Некоторые итоги исследования средневековых захоронений могильника Догээ-Баары в Туве // Археологические экспедиции за 2004 год: Сборник докладов. СПб., 2005.

Кубарев 1987 – Кубарев В. Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987.

Кудрявцев 1996 – Кудрявцев В. И. Камнесамоцветное сырьё Республики Тыва (история изучения, классификация и обзор ресурсов). Кызыл, 1996. 74 с.

Курочкин 1993 – Курочкин Г. Н. Раскопки скифского «царского» кургана на юге Сибири // Археологические Вести. СПб., 1993. Вып. 2.

Курочкин 1993а – Курочкин Г. Н. Богатые курганы скифской знати на юге Сибири. СПб., 1993.

Курочкин 1993б – Курочкин Г. Н. Путешествие в преисподнюю: шаманские мистерии в глубинах скифского кургана // Петербургский археологический вестник. СПб., 1993. Вып. 6.

Кызласов 1979 – Кызласов Л. Р. Древняя Тува. М., 1979.

Литвинский 1972 – Литвинский Б. А. Древние кочевники «крыши мира». М., 1972.

Мандельштам 1992 – Мандельштам А. М. Ранние кочевники скифского периода на территории Тувы // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992.

Маннай-оол 1970 – Маннай-оол М. Х. Тува в скифское время (Уюкская культура). М., 1970.

Марсадолов 1991 – Марсадолов Л. С. Курган 6 в до н.э. у пос. Аржан в Туве // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Тез. конф. Барнаул, 1991.

Николаев, Хаврин 2004 – Николаев Н. Н., Хаврин С. В. Некоторые итоги полевых исследований 2001–2003 гг. на могильнике Догээ-Баары II // Археологические экспедиции за 2003 год. СПб., 2004.

Полосьмак 1994 – Полосьмак Н. В. «Стережущие золото грифы».

Новосибирск, 1994.

Полторацкая 1966 – Полторацкая В. Н. Памятники эпохи ранних кочевников в Туве: по раскопкам С. А. Теплоухова // АСГЭ. Вып. 8. Л., 1966.

Руденко 1953 – Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953.

Савинов 1992 – Савинов Д. Г. Реконструкция погребального комплекса кургана Аржан, его компоненты и аналогии // Северная Евразия от древности до средневековья. СПб., 1992.

Савинов 1995 – Савинов Д. Г. О ритуальном назначении погребальных камер больших пазырыкских курганов // Сакральное в культуре. Тез. конф. СПб., 1995. С. 7–8.

Савинов 1996 – Савинов Д. Г. Древние поселения Хакасии. Торгажак. СПб., 1996.

Савинов 2002 – Савинов Д. Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея (археологические культуры и культурогенез). СПб., 2002.

Семенов 1992 – Семенов Вл. А. Воинские погребения ранних кочевников Тувы. // Археологические Вести. СПб., 1992. Вып. 1.

Семенов 1994 – Семенов Вл. А. Хронология курганов знати могильника Кош-Пей 1 в Уюкской котловине в Туве // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб., 1994.

Семенов 2001 – Семенов Вл. А. Сыпучий Яр – могильник алды-бельской культуры в Туве // Евразия сквозь века. Сборник научных трудов, посвященный 60-летию со дня рождения Д. Г. Савинова. СПб., 2001. С. 167 – 172.

Семенов 2003 – Семенов Вл. А. Суглуг-Хем и Хайырыкан – могильники скифского времени в Центрально-тувинской котловине. СПб., 2003. 240 с.

Смирнов, Петренко 1963 Смирнов К. Ф., Петренко В. Г. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья // Свод Археологических Источников. М., 1963. Вып. Д 1-9.

Спаская 1956 – Спаская Е. Ю. Медные котлы ранних кочевников Казахстана и Киргизии // Ученые записки Алма-Атинского пединститута. Алма-Ата, 1956 Т. XI (1).

Членова 1981 – Членова Н. Л. Связи культур Западной Сибири с культурами Приуралья и Среднего Поволжья в конце эпохи бронзы и в начале железного века // Проблемы западно-сибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск, 1981.

Чугунов 1994 – Чугунов К. В. Исследование погребально-поминального комплекса на могильном поле Догээ-Баары в Туве // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. Тез. конф. СПб., 1994. С. 195–199.

Чугунов 1995 – Чугунов К. В. К вопросу о дискретности погребальных комплексов // Курган: историко-культурные исследования и реконструкции. Тез. конф. СПб., 1995. С. 10–11.

Чугунов 1996 – Чугунов К. В. Погребальный комплекс с кенотафом из Тувы // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб., 1996. С. 69 – 80.

Чугунов 1996а – Чугунов К. В. Археологические параллели одному изобразительному мотиву в искусстве ранних кочевников Евразии // Номадизм: прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Тез. конф. Улан-Удэ, 1996. С. 86 – 89.

Чугунов 2000 – Чугунов К. В. Бронзовые наконечники стрел скифского времени Тувы. // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. Сборник статей к 60-летию М.Л.Подольского. СПб., 2000. С. 213 – 238.

Чугунов 2001 – Чугунов К. В. Локально-хронологические особенности культуры Тувы в середине 1 тысячелетия до н.э. // Евразия сквозь века. Сборник

научных трудов, посвященный 60-летию со дня рождения Д. Г. Савинова. СПб., 2001. С. 173 – 178.

Чугунов 2004 – Чугунов К. В. Аржан – источник // Аржан. Источник в долине царей. Археологические открытия в Туве. Издание по материалам выставки в Гос. Эрмитаже. СПб., 2004. С. 10 – 39.

Чугунов 2004а – Чугунов К. В. Звериный стиль кургана Аржан-2: к постановке проблемы // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. Материалы тематической научной конференции. Санкт-Петербург, 1-4 декабря 2004 г. СПб., 2004. С. 273 – 276.

Чугунов 2005 – Чугунов К. В. Курганы раннескифского времени могильника Копто и вопрос синхронизации алды-бельской и тагарской культур // АСГЭ. СПб., 2005. Вып. 37. С. 66 – 90.

Шульга 2002 – Шульга П. И. Ранние костяные наконечники стрел из курганов скифского времени на Алтае // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 2002. С. 43 – 61.

Vokovenko 1994 – Vokovenko N. A. Tomb of saka princes discovered in the Sayans, Siberia // New archaeological discoveries in asiatic Russia and Central Asia. SPb., 1994.

Demidenko, Firsov 2002 – Demidenko S.V., Firsov K.B. Über einen Bronzekesseltyp aus Eurasien // Eurasia Antiqua. Mainz am Rhein, 2002. Band 8. S. 277 – 294.

Сокращения

АВ – Археологический вестник

АО – Археологические открытия

АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа

АЮС – Археология Южной Сибири

ВМУ – Вестник Московского университета

ЗИН – Зоологический институт

КСИА – Краткие сообщения института археологии

МАИКЦА - Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии.

ПАВ – Петербургский археологический вестник

РАН – Российская Академия наук

СА – Советская археология

САИ – Свод археологических источников

ТНИИЯЛИ – Тувинский Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории

ТТКАЭ - Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции

УЗ – Учёные записки